

Предисловие

Издавая эту работу как книгу в серии «малых книг Евразии», я несколько отступаю от обычного порядка такого издания. Дело в том, что эта работа уже пробивалась в свет — как третья часть книги «Расшифрованная Илиада», но по каким-то причинам издательство «Амфора» срезало ее. То ли часть эта очень нуждалась в иллюстрациях, а на них денег не хватило, то ли вообще не укладывалась, — не пошла. Словом, сейчас я воспользовался возможностью и издаю ее отдельной книгой. Но по сути ее можно считать продолжением «Расшифрованной Илиады».

А в качестве иллюстраций я использовал здесь (в ином порядке) те, что были представлены в «Анатомии Илиады» и «Бесплотных героях».

I

Анатомия «Илиады»

1. Моисей и Гомер

Все, кто, преодолев первые трудности, читают «Илиаду» внимательно и заинтересованно, поневоле начинают размышлять над ней. Вчитываясь при этом в судьбы ее героев и вдумываясь в несообразности и загадки текста. В этом очерке я попытаюсь рассказать, как я стал не просто размышлять над «Илиадой», а вчитываться в ее тексты критически, даже придирчиво, с азартом. Как я надолго забросил все дела и стал заниматься только этим, взявшись за научную литературу об «Илиаде», а она огромна, и написана на многих языках. По большей части на немецком и английском, но также на латыни, французском, итальянском и т. д., есть книги и на русском. Как такое чтение вылилось у меня в размышления уже об этой литературе, в проверку аргументов, в критическую оценку, а из этого уже родился творческий подход и самостоятельный анализ.

Я стал составлять таблицы, схемы, карты, записывать свои замечания. Начал писать статьи, их публиковали солидные научные журналы и сборники. Так постепенно сложилась книга «Анатомия „Илиады“» (Клейн 1998). «Анатомия» не потому, что «Илиада» мертва, и можно ее резать как угодно, а потому, что прежде, чем восстанавливать ее функционирование и происхождение, нужно выявить ее структуру, правильно разделить ее на составные части, понять их взаимоотношения. В данном очерке

я кратко пересказываю содержание этой книги и ссылаюсь на ее таблицы и карты. Здесь будет приведено очень уж много этих таблиц и карт, но, по первоначальному замыслу, они ведь иллюстрировали большой текст, целую монографию. Да и то, я еще не все таблицы оттуда привожу.

Что ж, читателю, которому это покажется слишком большой нагрузкой, можно не вглядываться в них внимательно. Но нужно хоть глазком глянуть — и сознавать, что они есть, что труд проделан, что это факты. И что всегда можно рассмотреть их тщательнее и даже обратиться к самой монографии.

Как я уже отмечал в других изданиях, у меня сложилось впечатление, что зря в XX веке отвергнуты старые идеи аналитиков о разном происхождении песен, слившихся в «Илиаде». Унитарии упирали на симметрию, которая якобы пронизывает всю поэму. Но ее формальная схема представляется мне где-то натянутой (в крупном произведении всегда можно найти какие-то схожие явления в начале и конце), а где-то нереалистичной. То есть, нереально, чтобы огромная поэма с такой симметрией была изначально задумана одним автором — слепым и неграмотным певцом.

Унитарии также ссылаются на статистическую проверку языка поэмы — брали, мол, большие пробы из разных мест поэмы, и язык их оказался одинаковым — с одинаковыми средними числами употребления грамматических форм, лексики и т. п. Так ведь если разные песни слились не цельными кусками, а были раздроблены и пущены вперемежку, то пробы окажутся кашей из разных песен, и в этом смысле одинаковыми. Да еще ведь разнородные

куски и отредактированы были, сглажены. Тут нужен гораздо более тонкий анализ. Надеяться на четкое и резкое различие не приходится.

Для меня наиболее подозрительными были необъяснимые дублеты. Почему город носит два имени — Троя и Илион? Почему два имени у реки, на которой город стоит, — Скамандр и Ксанф? Почему два имени у зачинщика войны — Александр и Парис? Почему три названия у осадивших город греков — ахейцы, данаи и аргивяне?

Да, конечно, город мог быть переименован, но ни малейшего намека на это в поэме не содержится. Мои оппоненты положили немало усилий, чтобы доказать, что сам город-то назывался Илионом, а Троя — это вся местность вокруг города (*Цымбурский 1987*). Но местность называется Трояда, осаждали греки всё-таки город, а не местность, именуя его обоими именами, да и с рекой что делать — как ее имена разделить? С Александром-Парисом как быть, с трехименными греками?

Лишь сделав уже многое в анализе «Илиады» (стыдно, что не раньше), я наткнулся на тот факт, что у меня был далекий предшественник — нет, не в изучении «Илиады», а в методе решения проблемы. Это француз Жан Астрюк, который три века назад, в первой половине XVIII века, столкнулся с теми же проблемами при изучении Библии. Он увидел, что в Библии, в ее ядре — в Пятикнижии Моисея — одни и те же рассказы повторяются дважды (немного по-разному), и что в одних случаях Бог именуется в этих рассказах Иегова (на древнееврейском Яхве), а в других Элохим (во множественном числе). «Эти слова», — писал Астрюк, «никогда не смешиваются:

есть целые главы или большие части глав, где Бог всегда именуется Элохим, и никогда Иегова; есть другие, по меньшей мере, довольно большое число, где Богу не дают иного имени, кроме Иегова, и никогда не называют Его Элохим» (*Астрюк 1964*).

Из этого Астрюк заключил, что Моисей пользовался двумя источниками, с разными языковыми предпочтениями. А последователи Астрюка пошли дальше и сделали вывод, что Моисей вообще не автор Пятикнижия — о нем же там повествуется в третьем лице! Они заключили, что Пятикнижие не написано одним автором, а является составным: в нем слиты рассказы минимум двух авторов. Одного стали называть Яхвистом, другого — Элохистом. С этого началась научная критика Библии.

Почему-то этот метод никто не применял к «Илиаде». Возможно, потому, что деление здесь не такое четкое: народная поэзия допускала и переживала больше трансформаций, чем священные тексты. Но всё же и здесь видны те же явления: два главных героя греков, Ахилл и Диомед, параллельно переживают те же приключения и даже ранены в одно и то же место — в щиколотку (*Schelicha 1943: 66–76*). Более того, они никогда не встречаются в поэме: появляется Ахилл — исчезает Диомед, возвращается Диомед — нет Ахилла (*Robert 1920–26: 1059; Bethe 1927: 168*). И так неоднократно (см. табл. 1)*. Только на похоронах Патрокла присутствуют оба, но это место, которое даже многие унитарии признают (по другим основаниям) поздним включением. Ахилл и Диомед,

* Здесь и далее все ссылки на таблицы отсылают к Приложению.

1. Моисей и Гомер

оба во главе греков, и — не сочетаются. Это возможно, только если соединены куски двух разных повествований: об Ахилле и о Диомеде. Были две «Илиады»: «Илиада» с Ахиллом и «Илиада» с Диомедом — сформулировал этот вывод К. Роберт. Но эту гипотезу надо проверить и доказать, как и гипотезу о том, что таково же происхождение парных синонимов в именах. Нужно показать, что это не случайность.

2. Два города, три народа

Сначала я сопоставил эпитеты, которые в «Илиаде» применяются с каждым из обоих названий города — Троя и Илион. Оказалось, что эпитеты у них существенно различаются по значению, и что их выбор не обусловлен метрическими особенностями — есть такие, которые укладываются в гекзаметр одинаково. Они описывают два разных города (см. табл. 2). Илион описан, как высоко расположенная крепость, крутая и ветреная, тогда как Троя — широкая, просторная, с тучной почвой. Характеристика Илиона соответствует условиям Гиссарлыка, а условия Трои — нет.

Затем я решил использовать идею Д. Пейджа (*Page 1959: 292–294, n. 111*) о том, что народность текста свидетельствует о его древности. Он высказал догадку, что использование постоянных эпитетов характерно для фольклора, и чем доля их больше, тем определяемый ими объект древнее. Исходя из этого, я подсчитал частоты постоянных эпитетов при этих терминах. Оказалось, что при термине «Илион» в пять раз больше постоянных эпитетов, чем при термине «Троя» (см. табл. 3). В пять раз! Так что Илион значительно древнее в «Илиаде», чем Троя. То же самое получено анализом связей этих топонимов со словом «город». Это слово в греческом языке передается двумя синонимами: архаичным «птолиетрон» и новым «полис». Так вот, «птолиетрон» чаще сочетается с названием «Илион»,

2. Два города, три народа

а «полис» — с названием «Троя» (см. табл. 4). Эпос формировался как эпос об Илионе, а сказания о Трое присоединены к нему позже. И они слились.

Шлиман раскопал Илион (найлены камни с надписями), а Троя где-то в другом месте, которое к Гомеровскому времени было забыто.

Обратившись к хеттским хроникам, я увидел, что хетты в XIII веке до н. э. знали в западной части Малой Азии два места — Вилюсу и Т(а)руйсу, которые сопоставлены востоковедами с Илионом и Троей (Götze 1924: 26, Anm. 6; Forrer 1924; Kretschmer 1924: 207; Garstang and Gurney 1959: 120–123). Слово «Вилюса» на первый взгляд не так уж похоже на имя «Илион», но в греческом гомеровское название города звучало как Илиос, причем в предгомеровском греческом был звук **F**, называемый лингвистами «дигамма» — он похож на английское **w** или белорусское **ў**. Вот этот звук и стоял, по лингвистическим данным, в начале слова Илиос — тогда это было (F)ilios. Ко времени Гомера этот звук уже выпал в греческом языке, но следы его остались, и лингвисты их четко различают (по правописанию смежных слов). С учетом этого хеттские сведения вполне соотносимы с гомеровскими названиями. Значит, тогда это были два разных, хотя и не очень далеко друг от друга расположенных города (и края).

Взяв оба имени города, Троя и Илион, я проследил, как они распределены по песням «Илиады» (Клейн 1986). Песни «Илиады» я взял в том виде, как их разделил Зенодот.

«А! — вскричали некоторые мои противники. — Как же вы взяли за основу эти песни, если сами же объявляете их не исконными?!» Да, я понимал,

конечно, что это разделение искусственное, что исходные песни не были такими. Но исходные песни мне были пока неизвестны, а выяснять и сопоставлять я собирался не *абсолютные числа* (скажем, сколько раз использовано какое-то слово в одном тексте, сколько в другом), а *отношения* между синонимами в одном и том же куске текста. Отношения между парными синонимами — в данном случае между словами «Троя» и «Илион». Для отношений же безразлично, какие куски нарезаны, и даже одинаковы ли они — были бы они достаточно велики для значимого подсчета и в то же время не слишком велики, чтобы в общей смеси не исчезли различия. А использование традиционных песен позволяло сохранить общеизвестные числовые обозначения строк «Илиады», так сказать, их адреса — скажем, III, 25: третья песнь «Илиады», стих (строчка) 25.

Итак, начал я с прослеживания того, как оба термина, Троя и Илион, распределены по песням «Илиады» (см. табл. 5). То есть как в каждой из песен выглядит соотношение между частотностью Илиона и частотностью Трои (между количествами появления слова «Илион» и слова «Троя» на месте топонима). Там, где числа слишком маленькие для статистики, я ставил знак вопроса (это мой фильтр).

Оказалось, что термины эти распределены очень по-разному: в одних песнях преобладает термин «Илион», в других — термин «Троя». Я расположил песни в таблице по убыванию этого соотношения и получил как бы лестницу с очень большим размахом различий на концах — от 0,4 до 7 (см. табл. 6). То есть, песни на одном конце ряда превышают по этому показателю песни на другом конце в 15 раз.

2. Два города, три народа

Строго говоря, сам по себе этот факт еще ни о чем не говорит. Хотя, если подходить менее формально, о чем-то всё-таки говорит: уж очень большое расхождение! И многие песни в точности повторяют другие по этому показателю (6 песней с показателем 1, три песни — с показателем 2, три песни — с показателем 6). И выявленная группировка (на таблице 6 я объединил жирной обводкой эти клеточки) как-то совпадает с некоторыми сюжетами содержания (гнев Ахилла, деяния Диомеда и Гектора). Но будем подходить строго: всё это слишком субъективно и может обернуться обманчивыми ассоциациями.

Нужно выяснить, совпадает ли это распределение синонимичных топонимов (в данном случае названий города) с распределением каких-то других терминов, независимых от первых. Есть ли между ними корреляция. Если она есть, то это может иметь совсем другое значение.

Тут я взялся аналогичным образом за названия греков. Сначала посмотрим, как эти три термина — «ахейцы», «данаи» и «аргивяне» — снабжены постоянными эпитетами (см. табл. 7). Оказывается, этноним «ахейцы» снабжен наиболее богато, этноним «данаи» — похуже, а этноним «аргивяне» имеет лишь один постоянный эпитет. Я проследил также частоты фиксированных формул при этих этнонимах — с тем же результатом: ахейцы впереди, аргивяне — в конце (см. табл. 8).

Это указание на относительную хронологию. Эти три этнонима входили в эпос не одновременно. И действительно, «ахейцы» — это старое название греков, оно есть в хеттских хрониках XVI–XIII веков

(см. рис. 6); «данаи», по крайней мере, напоминают миф о царе Данае и его дочери по имени Даная, то есть, о ранней династии Арголиды (см. рис. 7), о времени восточных связей (по египетским и ближневосточным текстам это XIII–XII века — см. рис. 8); «аргивяне» же — это население Аргоса и Арголиды во время их подъема в VIII–VII веках.

Установив это, я начал прослеживать, как эти термины (этнонимы «ахейцы», «данаи» и «аргивяне») распределены по главам («песням» или «книгам») «Илиады». Меня интересовало их соотношение в каждой песни (см. табл. 9). Для сравнения с соотношением топонимов (названий города) мне нужно было представить соотношение этнонимов тоже просто и наглядно. Поэтому я рассмотрел, как в каждой песни частоты этнонима «ахейцы» относятся к частотам двух остальных этнонимов, вместе взятым. Так сказать, выявить числовой показатель «ахейского» участия. Отдельно я рассмотрел и эти остальные: как частоты этнонима «аргивяне» относятся к частотам этнонима «данаи» (благо, большей частью они сочетаются вместе без этнонима «ахейцы»). Получил, так сказать, показатель «аргивского» участия.

Я составил таблицы, на которых расположил песни «Илиады» по моим показателям. На одной таблице я расставил песни по убыванию показателя ахейского участия (см. табл. 10). Песни с высоким проявлением этнонима «ахейцы» я условно назвал «ахейскими», песни с умеренным проявлением его — «умеренно ахейскими». На другом конце ряда я выделил большую группу — с низким проявлением этнонима «ахейцы», но с высоким проявлением

2. Два города, три народа

этнонимов «данаи» и «аргивяне», вместе взятых. Разбил ее на две части, отделив в самом низу таблицы наиболее высокое проявление этих этнонимов.

На другой таблице я показал соотношение между ними, расположив песни этой последней группы (только ее одной) по убыванию показателя «аргивского» участия (см. табл. 11). На одном конце сгруппировались «данайские» песни, условно названные мною так. Пока условно. В «данайскую» группу вошли песни V, VIII, XI, XV–XVII. На другом конце колонки — «аргивские» песни. Высокое проявление этнонима «аргивяне» оказалось и в другой части всей группы песен, не вошедших в ахейские, так что я объединил все эти песни под именем «аргивских». К аргивским отошли песни IX–X, XII–XIV, XIX, XXIII.

Предпочтение того или иного из трех этнонимов (имен этноса) в песнях могло означать реальное значение этого термина для певцов, сочинявших эту песнь (или, точнее, для текстов, преобладавших в этой условно выделенной песни). Тогда ярлычки «ахейская», «данайская» и «аргивская» могли приобрести какой-то реальный смысл. Но я понимал, что это распределение могло оказаться и чисто случайным — ну, в одних случаях певец чаще употреблял один синоним, в других — другой или третий. Он же не следил за тем, чтобы они выскакивали из его уст равномерно. Случайный разброс? Возможно.

Можно ли проверить, случайный это разброс или нет? В принципе можно. Если распределение этнонимов по песням совпадает с каким-то другим распределением по тем же песням, например, с распределением топонимов (названий местности, названий города), тогда это уже не случайный

разброс, а закономерность, в основе которой лежит какая-то связь этих имен. То есть это означало бы, что они попали в песни вместе. То есть одни из словарного багажа одного певца, а другие взаимосвязанные термины — из другого.

Значит, нужно было сопоставить таблицы, на которых показано соотношение топонимов (Илион–Троя) с таблицами, демонстрирующими соотношения этнонимов (ахейцы — данаи — аргивяне). Есть ли между ними сопряженность?

На сводной таблице (см. табл. 12) я свел вместе и просто сопоставил две исходные таблицы — таблицу топонимов, упорядоченную по показателю их соотношения, и таблицу этнонимов, упорядоченную по показателю ахейского участия. На таблице этнонимов я маркировал те «ахейские» песни, которые оказались на одном конце ряда песен, *и расположились на том же конце* в ряду песен на таблице топонимов. Их оказалось пять, кучно расположенных. По-иному я маркировал песни, расположенные *на другом конце* таблицы этнонимов и имеющие соответствие *на том же (другом) конце* таблицы топонимов. Их оказалось четыре (все — из «данайских»), тоже кучно расположенных. Таким образом, таблицы поляризовались одинаково, с одними и теми же песнями, расположенными кучно на полюсах. *Quod erat demonstrandum* (что и требовалось доказать), как говорят математики.

Есть сопряженность! Они коррелируют. Распределение топонимов коррелирует с распределением этнонимов. Одно наименование греков больше связано с одним названием города, другое — с другим. Это означает, что одна группа песен «Илиады»

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru